

- ⁸ См.: *Ross M. H.* Television news and candidate fortunes in presidential nominating campaigns : The case of 1984 // *American Politics Quarterly*. 1992. № 20. P. 69–98.
- ⁹ См., например: *Farnsworth S. J., Lichter S. R.* The nightly news nightmare: Network television's coverage of U. S. presidential elections, 1988–2000. Lanham, 2003 ; *Lichter S. R., Noyes R. E., Kaid L. L.* No news or negative news : How the networks nixed the '96 campaign / eds. L. L. Kaid, D. G. Bystrom. The electronic election : Perspectives on the 1996 campaign communication. Mahwah, 1999. P. 3–13.
- ¹⁰ См., например: *Adams W. C.* Convention coverage / eds. M. J. Robinson, A. Ranney. The mass media in campaign '84 Washington, 1985. P. 18–23 ; *Patterson T. E.* The mass media election : How Americans choose their president. N. Y., 1980.
- ¹¹ См., например: *Robinson M. J., Sheehan M. A.* Over the wire and on tv: CBS and UPI in campaign '80. N. Y., 1983 ; *Sigelman L., Bullock D.* Candidates, issues, horse races, and hoopla : Presidential campaign coverage, 1888–1988 // *American Politics Quarterly*. 1991. № 19. P. 5–32.
- ¹² См., например: *Graber D. A.* Mass media and American politics. 3rd ed. Washington, 1989 ; *Kahn K. F., Kenney P. J.* The spectacle of U.S. Senate campaigns. Princeton, 1999 ; *Serini S. A., Powers A. A., Johnson S.* Of horse race and policy issues : A study of gender in coverage of a gubernatorial. A election by two major metropolitan newspapers // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1998. № 75, P. 194–204 ; *West D. M.* Political advertising and news coverage in the 1992 California U.S. Senate campaign // *J. of Politics*. 1994. № 56. P. 1053–1075.
- ¹³ См.: *Sinclair K.* «Horserace» vs. «Substance» in coverage of elections by British prestige press // *Journalism Quarterly*. 1982. № 59. P. 598–602.
- ¹⁴ См.: *Benoit W. L.* Communication in political campaigns. N. Y., 2007.
- ¹⁵ См.: *Benoit W. L., Hemmer K., Stein K.* «New York Times» coverage of American presidential primary campaigns, 1952–2004 // *Human Communication*. 2010. № 13. P. 259–280.
- ¹⁶ См.: *Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J.* «New York Times» coverage of presidential campaigns // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2005. № 82. P. 356–376.
- ¹⁷ См.: *Benoit W. L., Hemmer K., Stein K.* «New York Times» coverage of American presidential primary campaigns, 1952–2004 // *Human Communication*. 2010. № 13. P. 259–280.
- ¹⁸ *Kendall K. E.* Op. cit. P. 1.
- ¹⁹ *Benoit W. L., Currie H.* Inaccuracies in media coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2001. № 38. P. 37.
- ²⁰ См.: *Benoit W. L., Hansen G. J., Stein K. A.* News coverage of presidential primary debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. № 40. P. 246–258.
- ²¹ См.: *Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J.* Newspaper coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. № 41. P. 17–27.
- ²² См.: *Benoit W. L., Currie H.* Inaccuracies in media coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2001. № 38. P. 28–39.
- ²³ См.: *Benoit W. L., Davis C.* Newspaper coverage of U. S. senate debates // *Speaker & Gavel*. 2007. № 44. P. 13–26.
- ²⁴ Эмпирические данные взяты из работ: *Benoit W. L., Henson J. R.* A functional analysis of the 2006 Canadian and 2007 Australian election debates // *Argumentation & Advocacy*. 2007. № 44. P. 36–48 ; *Benoit W. L., Benoit-Bryan J. M.* A functional analysis of the 2011 Australian Prime Minister debate. Istanbul : International Symposium: Communication in the Millennium, 2012.
- ²⁵ Эмпирические данные взяты из работ: *Benoit W. L., Henson J. R.* A functional analysis of the 2006 Canadian and 2007 Australian election debates. P. 36–48 ; *Benoit W. L.* A functional analysis of the 2011 Canadian Prime Minister debate. Unpublished paper. 2012.
- ²⁶ См.: *Benoit W. L., Benoit-Bryan J. M.* A functional analysis of the 2010 United Kingdom debates. Chicago, 2011.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

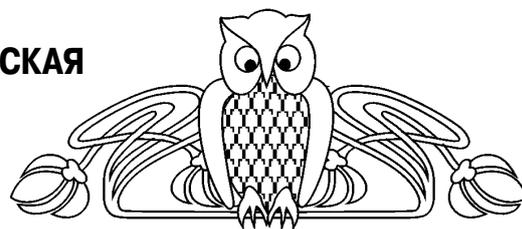
УДК: 323.019.5

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

М. К. Борисова

Саратовский государственный университет
E-mail: bmkkrp@gmail.com

В статье рассматриваются основные подходы к анализу взаимосвязи экономики и политики, представленные в исследованиях современных российских политологов, экономистов, социологов, философов. На примере анализа в отечественной литературе различных аспектов взаимосвязи электоральных циклов и экономической политики обосновывается собственный ракурс исследования данной проблемы.

Ключевые слова: цикличность в политике, электоральный цикл, регулирующая роль государства, экономический фактор в политике, экономическая политика.

Electoral Cycles and Economical Politics in Postsoviet Russia: Historiography of Problem

М. К. Борисова

The article discusses main approaches to analysis of interrelations of economics and politics in the researches of modern russian political

scientists, economists, sociologists and philosophers. On an example of analysis of different aspects of interrelations of electoral cycles and economical politics in russian scientific literature makes a lodgment own foreshortening of research of this problem.

Key words: cycles in politics, electoral cycle, regulating role of the state, economical factor in politics, economical politics.

Электоральные циклы в своей схематической завершенности могут рассматриваться не только в контексте отражения характера избирательной системы, степени демократичности института выборов, результата конкретных предвыборных кампаний, но и в контексте связи политики и экономики в целом. Давление фактора конкуренции в ходе выборов на предвыборные программы и обещания политиков и лидеров партий несет в себе не только положительные начала, но и существенные проблемы. На них обращали внимание еще древнегреческие мыслители, когда оценивали демократию как «неправильную» форму правления, в результате которой к власти приходят демагоги и популисты, прокладывая дорогу через охлократию к тирании.

Многие современные исследователи цикличности общественно-политических и социально-экономических процессов указывают на определенную статистическую закономерность роста социальных расходов в период предвыборных кампаний и последующее снижение социально-экономических показателей в период после выборов. Как показал анализ литературы, данное направление изучения взаимосвязи экономической и политической жизни в российской политической науке представлено недостаточно. Большая часть исследователей проблемы цикличности акцент делают на выявлении алгоритма колебаний России от реформ к контрреформам и причин «абортности» модернизационных процессов и так называемого эффекта «колеи» развития российского общества¹. Конкретные электоральные циклы чаще всего рассматриваются именно в таком контексте. Нам представляется целесообразным расширить исследовательское поле циклической зависимости политических и экономических процессов до уровня конкретных общефедеральных и региональных предвыборных кампаний.

На уровне макроанализа перспективным представляется выявление воздействия различных экономических циклов на политическую деятельность представителей властных структур и основных оппозиционных партий. Методологическая сложность заключается в том, что значительная часть данных экономических циклов не проявляется очевидно, и по их поводу постоянно идут дискуссии среди экономистов («циклы Китчина», «ритмы Кузнеца», длинные волны (большие циклы) Кондратьева, «деловые циклы» и др). В свою очередь, представляет интерес и имеет социальную значимость исследование воздействия политических циклов на экономику

в контексте использования государственных регулятивных инструментов для снижения последствий экономических кризисов и стимулирования производства и потребления в период рецессии. Рассмотрим на примере отдельных исследований, каким образом данная проблема отражена в отечественной научной литературе.

«Бытие определяет сознание», а «экономический базис определяет политическую надстройку». На данных тезисах основывалось большинство обществоведческих исследований на протяжении всего советского периода. Такой прямолинейный экономический детерминизм впервые подвергся критике уже в годы перестройки. Например, Ю. Сидоренко утверждал, что «социально-историческое развитие <...> отнюдь не сводится к чисто экономическим факторам»². «Примитивная и <...> неверная концепция, будто социально-экономическая и политическая реальность, к которой наше общество пришло к началу 80-х годов, – чуть ли не идеал общественного развития, должна уступить место исторически обоснованным представлениям о многовариантности, разнообразии “моделей” социалистического развития ...»³

Однако с крахом СССР социалистическая модель государственной экономики и административно-командной системы была разрушена в кратчайшие сроки. В первые годы постсоветской России исследовательская (а главное, практическая) парадигма взаимосвязи политики и экономики определялась преимущественно сформировавшимся еще в XVIII в. либеральным взглядом на государство как на «ночного сторожа». Главную роль регулятора социально-экономических и политических отношений отводили рыночным отношениям («невидимой руке рынка»), которые должны были оптимизировать и структуру экономики, и занятость населения, и создать средний класс как основу формирования гражданского общества и либеральной демократии. Один из теоретиков и реформаторов-практиков Е. Т. Гайдар даже после очевидного провала заявленного его правительством радикально-либерального варианта рыночных преобразований продолжал утверждать, что план был верный, но реализовать его в полной мере не позволили различные объективные и субъективные обстоятельства⁴. На наш взгляд, именно ошибочность в выборе стратегии рыночных преобразований стала одной из ведущих причин крайне негативных последствий в экономическом и социальном реформировании России в 1990-е гг.

Тем не менее подобная либертариистская точка зрения продолжает быть достаточно распространенной⁵. В начале 2010 г. был опубликован доклад Института современного развития (ИНСОР) «Россия XXI века: образ желаемого завтра»⁶, авторы которого попытались обосновать безальтернативность либерального развития страны. По оценке В. Н. Лексина, данный доклад является первым

либеральным манифестом, разработанным в постсоветский период в России и для России⁷. В нем главным условием модернизации объявляется либерализация, одним из основных препятствий для достижения «желаемого будущего» назван «балласт власти». Авторы утверждают, что «мегамашина государства, состоящая из “винтиков”, теперь и впредь, в конечном счете, безнадежно проигрывает сообществу свободных индивидов»⁸. Поэтому в качестве главного ограничителя развития объявлено государство. Правда, при этом замечено, что «его стимулирующие действия могут быть локально полезными, но в целом это попытка форсировать мотор при заблокированных автомобильных тормозах»⁹. Авторы доклада в своей исходной методологической посылке декларируют необходимость базирования любых конкретных мер на системе ценностей, соответствующей XXI в., что должно предопределить необратимый характер процесса модернизации. Поэтому предлагается «отказаться от ценностного наследия», суть которого составляет «ресурсно-сырьевой способ существования», который автоматически сдвигает систему ценностей от индивида, гражданина, общества к полюсу государства и власти.

Подтверждением ошибочности ориентации на либеральные трактовки роли государства в экономике, на наш взгляд, может служить изменение позиции Всемирного банка, который долгое время уделял внимание только вопросам приватизации, финансовой стабилизации и государственных реформ, ориентированных на сокращение госаппарата. В начале 1990-х гг. Всемирный банк признал тот факт, что большинство кризисов в развивающихся странах носит характер управленческих. В результате банк определил государственное управление как метод, посредством которого обеспечивается реализация властных полномочий в распоряжении политическими, экономическими и социальными ресурсами страны в целях развития. В соответствии с этим произошла смена приоритетов и в отношении критериев оценок управления. На первый план вышли прозрачность, подотчетность и судебная реформа¹⁰. Эти новации нашли свое отражение и в концептуальных подходах к менеджменту в современных условиях¹¹.

Впоследствии Всемирный банк предложил новую концепцию оценки качества управления – «благое управление». Под ним понимаются рациональное управление государственным сектором (эффективность, результативность и экономия), подотчетность, обмен информацией и ее свободное распространение (транспарентность) и правовая база развития (правосудие, уважение прав человека и свобод). Основное внимание в этом определении уделяется четырем главным компонентам, а именно *легитимности* (государство должно пользоваться поддержкой народа, которым оно управляет); *подотчетности* (обеспечение транспарентности, ответственность за свои действия и свобода средств массовой ин-

формации); *компетентности* (эффективная разработка и проведение политики и оказание услуг); *уважению закона и защите прав человека*¹².

Как представляется, в трактовке «благого управления» нашли отражение те общемировые тенденции усиления роли политического фактора в решении всех важнейших общественных проблем, которые имеют место в последние десятилетия. Для России это особенно актуально в связи с накопившимися за двадцать лет последствиями строительства олигархического капитализма, ориентированного на приоритетное развитие сырьевых отраслей и распродажу соответствующих ресурсов.

Оценивая поляризованные подходы к роли государства в сфере экономики (от тотального планирования и управления до роли «ночного сторожа»), можно констатировать, что необходимо избегать крайностей их применения и тех негативных последствий, которые они влекут за собой. С одной стороны, целесообразно исходить из того, что одним из реальных политических факторов, определяющих экономическое развитие страны, является продуманная и эффективная государственная экономическая политика, нацеленная на поддержку отечественной промышленности. С другой стороны, необходимо учитывать, что в условиях процессов глобализации и жесткой мировой конкуренции необходимо максимально стимулировать внутренние инновационные ресурсы общества, в том числе и со стороны технической интеллигенции и бизнес-сообщества.

Чаще всего в литературе акцент делается на роли социально-экономических факторов в электоральных процессах. Например, исследуя электоральные циклы, У. Сересова констатирует наличие определенного воздействия социальной политики (через уровень социального развития) на результаты выборов, причем достаточно ограниченного, и подчеркивает, что «совершенно пренебрегать социальными программами власти нельзя, ибо только административный ресурс – без других факторов (и фактора социального благополучия в том числе) – не может обеспечить желаемый результат выборов»¹³. Как видим, вне поля исследовательского интереса остается воздействие самого электорального процесса (как механизма конкурентного привлечения на свою сторону различных социальных групп населения) на выработку экономической и социальной политики.

О том, что такое воздействие реально существует, свидетельствует, например, активизация социальной политики в период последнего электорального цикла. Политологи отмечали, что, занявшись улучшением прогнозов роста экономики, Министерство экономического развития включилось к кампании по подготовке к президентским и парламентским выборам. До выборов оставалось менее двух лет, и властям было важно показать эффективность экономических и социальных преобразований¹⁴.

Более взвешенный подход представлен в исследовании К. Рогова, который на основе анализа электоральных циклов в 2000-е гг. приходит к выводу, что «сформировавшаяся сегодня в России система политических и экономических взаимодействий очень молода, создавалась “с колес” и в условиях крайне благоприятной конъюнктуры. Ее способность адаптироваться к иным экономическим условиям неизвестна, а импульсы, способствовавшие ее формированию, выглядят в значительной степени растраченными»¹⁵.

В условиях текущего мирового финансового кризиса понятно усиление интереса исследователей к циклам и волнам общественного развития. Авторитетные авторы сборника, целиком посвященного данной проблематике¹⁶, выделили четыре перспективных направления, по которым может двигаться дальнейшая разработка циклически-волновых концепций.

Первое направление – методология изучения циклически-волновых процессов в обществе, в истории и политике, критический анализ существующих подходов, возможности и направления развития новых концептуальных моделей, в том числе модели эволюционных циклов. Второе направление состоит в более глубоком и фундаментальном исследовании структуры и продолжительности уже известных, но недостаточно изученных (например, кондратьевских) циклов, в выявлении на этой основе более общих эволюционных циклов, которые позволяют прогнозировать некоторые важные аспекты мирового политического и экономического развития. Третье направление – это детальное исследование циклов и волн внутривнутриполитического, социального, демографического развития отдельных стран, например, США или России. Такое исследование чрезвычайно важно, поскольку оно дает возможность не только глубже понять историю той или иной страны, но и выработать обоснованный и практически значимый прогноз ее будущего развития. Наконец, четвертое направление включает исследование ритмов, циклов и волн не только в политике и экономике, но и в других сферах, (например, в культуре, прежде всего в искусстве)¹⁷.

По мнению В. В. Лапкина, представление о жизненном цикле социальной системы позволяет исследовать хаотическое множество наблюдаемых в исторической эмпирике самых разнообразных фактов, явлений и процессов в контексте их развития и эволюции. «Обращение к модели эволюционного цикла, в результате которого происходит приращение структурной сложности системы, предполагает многочисленные когнитивные проблемы, сопряженные с необходимостью концептуализации сложного конгломерата движущих сил, механизмов и внутренней ритмики рассматриваемых процессов. Тем не менее практически любые системы определенной степени сложности обладают способностью к эволюции, при этом большие социальные системы оказыва-

ются многоуровневыми в эволюционном плане. Именно потребность в описании процессов развития сложных социальных систем и лежит в основе обращения к циклам, волнам и ритмам. Присущие сложным эволюционирующим системам колебательные (т. е. описываемые в рамках циклически-волновой парадигмы) процессы – это скорее закономерность, нежели исключение»¹⁸.

Как представляется, данная закономерность недостаточно осмыслена исследователями социально-политической динамики не только в рамках больших исторических циклов, но и в контексте исследований периодически повторяемых политических циклов разного уровня и масштабов (циклические алгоритмы принятия политических решений; циклы разнообразных политических кампаний; электоральные циклы и др.). Более того, именно взаимозависимость «малых» политических циклов и экономической динамики оказываются на периферии исследовательских интересов политологов.

Например, А. Д. Богатуров, раскрывая профилирующее содержание экономической политологии, определяет необходимость охвата четырех основных блоков знаний. В первый он включает специфические преломления предметов теоретико-методологического цикла политологии. В курсе «теория политики», например, укрупняется тематика философских трактовок взаимоотношений человека, богатства и власти, а также личного и общественного блага. В эту группу входят предмет экономического анализа политических явлений и его методология (варианты применения теории рационального выбора)¹⁹.

Во втором блоке рассматриваются вопросы обеспечения в широком смысле политической безопасности бизнеса. К ним относятся проблематика правовой основы ведения бизнеса в той или иной стране, а также все легальные аспекты отношений бизнеса и власти. В этой группе – анализ политических рисков, типология конфликтов бизнеса с обществом и властью, механизмы воздействия власти на бизнес и способы разрешения их противоречий. Обрамляющая тематика блока – исследование структуры экономического интереса государства, внутренних и международных аспектов экономической безопасности страны, а также практики государственного регулирования экономического развития.

В третьем блоке обсуждаются вопросы восприятия бизнеса обществом, отношений между ними, общественные ожидания в отношении предпринимателей, наконец, понимание бизнесом своей социально-политической и социально-экономической роли, ответственности и миссии. В этом блоке – вопросы этики («кодекса») политического поведения бизнеса, а также роль СМИ в отношениях бизнеса с обществом и государством.

В четвертом блоке рассматриваются проблемы воздействия бизнеса на государство, механизмы лоббирования интересов предпринимателей

во властных структурах и их правовые основания, сопоставление практик лоббизма в России и иностранных государствах. В этой же группе – анализ современных стратегий представления интересов бизнеса во власти и соответствующий зарубежный опыт (Северная Америка, Япония, страны ЕС). Отдельный подраздел – анализ роли личности политика в деловом мире и бизнесмена в политике, особенностей бизнес-психологии и бизнес-культуры в разных странах²⁰.

А. Д. Богатуров действительно вычленил важнейшие направления анализа экономической политологии. Однако, на наш взгляд, они не включают еще один социально и научно значимый сегмент – мотивацию публичной экономической политики, которую активно позиционируют представители действующей власти и оппозиции в ходе избирательных кампаний. Именно в этой области находит отражение дуалистичность демократических процедур в ходе конкурентных выборов в различные органы власти.

Суть проблемы сводится к тому, что содержание программ и предвыборных платформ политических партий, агитационно-пропагандистских материалов, публичных деклараций политических лидеров по поводу проблем в социально-экономической области определяется чаще всего не идеологическими и мировоззренческими принципами, а социальным запросом тех электоральных сегментов, на поддержку которых рассчитывают данные партии и их лидеры. Собственно, в этом и заключается основное противоречие указанной А. Д. Богатуровым концепции «рационального выбора», лежащей в основе теории «рыночной демократии». В соответствии с ней партии и их лидеры выступают своеобразным «товаром», выставленным на «продажу» в ходе избирательной кампании, а избиратели – «покупателями» своих представителей в политике. Программы и имидж различных партий и политиков – это своеобразные «упаковки», ориентируясь на которые, граждане и делают политическую «покупку», отдав свой голос на выборах.

При этом, в отличие от покупок бытовых товаров, мало кто из избирателей интересуется «содержимым» своего выбора, которое не очень охотно и подробно демонстрируется в случае победы в процессе деятельности на избранной должности. Сторонники теории рыночной демократии обосновывают, что в случае серьезных отклонений органов власти от предвыборных обещаний на них укажут публично представители оппозиции, с тем чтобы граждане во время следующей «покупки» отказались от «товара», который не отвечает обещанным обязательствам.

Однако эта идеалистическая картинка искажается даже в странах с давними демократическими традициями выборов, которые все более превращаются в театрализованное представление, в котором места рациональным аргументам

остается все меньше и меньше. Их заменяют специальные информационно-коммуникационные методы воздействия и имиджевые технологии. В современной России, когда удельный вес информационных ресурсов «партии власти» неизмеримо больше возможностей оппозиции, последняя выполнить свою роль объективных «разоблачителей» вряд ли способна (тем более с учетом объяснимой предвзятости критики субъектов политики, которые сами ведут борьбу за то, чтобы вытеснить действующую власть и самим занять ее место).

Как представляется, сюжеты предвыборных обещаний в социально-экономической области и их последующей реализации нуждаются в глубоком и всестороннем научном осмыслении. Однако взаимосвязь политики и экономики кажется настолько аксиоматичной, что данный аспект политологической литературе до сих пор фактически не выделен в качестве самостоятельного и самодостаточного.

Примечания

- 1 См.: Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории // *Общественные науки и современность*, 2002. № 3 ; Барашов Н. Г. Циклическая динамика современной экономики : теория, методология, практика. Саратов, 2008 ; Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России : Эволюция через трансформации. М., 2006 ; Васильева Н. И. Циклы и ритмы в природе и обществе : моделирование природных периодических процессов. Таганрог, 1995 ; Гурвич Е., Вакуленко Е. Циклические свойства бюджетной политики в нефтедобывающих странах // *Вопр. экономики*. 2009. № 2 ; Красильников О. Ю. Будущее России : сценарии развития в свете теории экономического цикла // *Человеческий потенциал модернизации России (Стратегия опережающего развития – 2006)*. М., 2006. С. 96–98 ; Кузык Б. Н., Агеев А. И., Доброчеев А. И., Куроедов Б. Ритмы российской истории : опыт многофакторного исследования. М., 2003 ; Кульпин-Губайдулин Э. С. Восточный ритм русской истории // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6 ; Лапкин В. В., Пантин В. И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // *Полис*. 2005. № 3 ; Нурев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа : эффект колеи (опыт институционального анализа экономического развития). Калининград, 2010 ; Пантин В. И. Волны и циклы социального развития. М., 2004 ; Яковец Ю. В. Прогнозирование циклов и кризисов. М., 2000 и др.
- 2 Сидоренко Ю. Социальная диалектика без купюр // *Коммунист*. 1989. № 1. С. 64.
- 3 Кудрявцев В. Реформа политической системы и общественная наука // *Коммунист*. 1989. № 3. С. 7.
- 4 См.: Гайдар Е. Долгое время. Россия и мир : очерки экономической истории. М., 2005.
- 5 См.: Бальцерович Л. В направлении ограничения функций государства // *Экономический вестн*. 2004. Вып. 4, № 3. С. 376–402.

- ⁶ Россия XXI века : образ желаемого завтра. М., 2010.
- ⁷ См.: *Лексин В.* Либеральная Россия как реальность и как перспектива // Рос. экон. журнал. 2010. № 1. С. 43.
- ⁸ Россия XXI века ... С. 8.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ См.: *Линн Й.* Новый подход Всемирного банка к государственному управлению // Трансформация. Экономический бюллетень о странах с переходной экономикой. 2001. № 2. С. 1–3.
- ¹¹ См.: *Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2000.
- ¹² См.: Государство в меняющемся мире (Отчет о мировом развитии 1997 г.) : пер. с англ. М., 1997 ; Важная роль государственного управления и благого управления в осуществлении Декларации тысячелетия ООН : электронное управление – известные сферы применения и благоприятствующие условия. Экономический и Социальный Совет. ООН, 2002.
- ¹³ *Сересова У.* Социальные факторы электорального процесса в регионах России, или За кого голосуют бедные // Логос. 2005. № 1(46). С. 274.
- ¹⁴ См.: ВВП как индикатор электорального цикла. URL: <http://vt-inform.ru/smi/150/47142.php> (дата обращения: 20.05.2012).
- ¹⁵ *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. Т. 14. Июль–октябрь. С. 20.
- ¹⁶ См.: Циклы политического развития: прогностический потенциал : сб. статей / отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М., 2010.
- ¹⁷ Там же. С. 7.
- ¹⁸ *Лапкин В. В.* Проблемы моделирования политического развития // Циклы политического развития ... С. 13.
- ¹⁹ См.: *Богатуров А. Д.* Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Полис. 2011. № 4. С. 10.
- ²⁰ Там же. С. 10–11.

УДК 316.485.26(475+571)

МОДЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю. Н. Полтавская

Саратовский государственный университет
E-mail: teleprofi@gtkr.renet.ru

В статье анализируются модели институционализации леворадикального молодежного движения в современной России и их потенциал для дальнейшего развития и политического участия. Предложены два варианта, каждый из которых имеет свою историю и специфику. Ключевыми понятиями, через призму которых рассматриваются особенности данных моделей и этапы их эволюции, являются понятия «институт» и «институционализация».

Ключевые слова: институт, институционализация, молодежные леворадикальные организации, Национал-большевистская партия, Левый фронт.

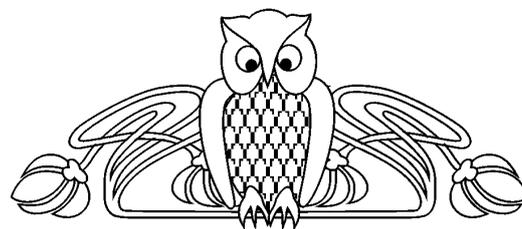
Institutionalization Models of Left Wing Youth Organizations in Russia Today

J. N. Poltavskaya

This article analyzes the models of the institutionalization of the left-radical youth movement in Russia today and their potential for further development and political participation. We identify two parties, each of them has its own history and specifics. The key concepts of our research are the concepts of «institution» and «institutionalization».

Key words: institute, institutionalization, radical-left youth organizations, National Bolshevik Party, Left Front.

Итоги парламентских выборов 2011 г. в России привели к распространению массового протеста, выходящего за рамки собственно митингов и не ограничивающегося численностью пришедших на них. Митинговая активность обо-

значилась во всех крупных городах субъектов Федерации. Требования выступавших были едины практически на всех площадках: отмена результатов выборов, роспуск Государственной думы, отставка председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В. Е. Чурова, а также назначение новых выборов. Катализатором проявлений недовольства стало формирование парламента, в котором набравшая чуть менее 50% партия власти получила абсолютное большинство.

Митинговая активность вызвала либерализацию партийного законодательства: была упрощена процедура регистрации партий, смягчены иные требования. Однако эксперты сходятся в том, что уступки со стороны власти ситуативны и политически направлены против консолидации оппозиции как институционального актора. Изменения позволили создавать партию численностью 500 человек, одновременно запретив избирательные блоки и объединения. Изменения коснулись и глав субъектов: «Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) **избирается гражданами** (выделено нами. – Ю. П.) Российской Федерации, проживающими на территории данного субъекта Российской Федерации и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»¹. При этом кандидаты выдвигаются политическими партиями, а само выдвижение или самовыдвижение должны